

БЕЗУМИЕ КАК ФАКТОР ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» ЛУ СИНЯ)

Мэйди Айниваэр

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 1612061362@qq.com*

В докладе рассматриваются художественные особенности рассказа «Записки сумасшедшего» классика современной китайской литературы Лу Синя, отмечается новаторство писателя, прослеживается динамика духовного развития образа героя-безумца, анализируются ценность и значение гуманистических идей, заложенных в произведении.

Ключевые слова: современная китайская литература; Лу Синь; жанр дневника; хронотоп; гуманизм.

ВАР'ЯЦТВА ЯК ФАКТАР УНУТРАНАЙ СВАБОДЫ ГЕРОЯ (НА МАТЭРЫЯЛЕ АПАВЯДАННЯ «ДЗЁННІК ВАР'ЯТА» ЛУ СІНЯ)

Мэйдзі Айніваэр

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, 1612061362@qq.com*

У дакладзе разглядаюцца мастацкія асаблівасці апавядання класіка сучаснай кітайскай літаратуры Лу Сіня адзначаецца наватарства пісьменніка, прасочваецца дынаміка духоўнага развіцця вобраза героя-вар'ята, аналізуюцца каштоўнасць і значэнне гуманістычных ідэй, закладзеных у творы.

Ключавыя словы: сучасная кітайская літаратура; Лу Сінь; жанр дзённіка; хронотоп; гуманизм.

«Записки сумасшедшего» («狂人日记», 1918 г.) китайского писателя Лу Синя (鲁迅, 1881–1936 гг.) представляют собой рассказ, состоящий из двух частей – пролога и тринадцати дневниковых записей от первого лица, пронумерованных римскими цифрами. Данное произведение малой прозы является одним из первых произведений китайской литературы, написанных на разговорном языке байхуа («白话»).

Рассказ датируется апрелем 1918 года, и уже в мае этого же года был напечатан в прогрессивном общественно-политическом и литературном

журнале «Новая молодежь» («新青年»), авторы которого выступали против феодальных устоев и мертвого книжного языка вэньяня («文言»).

В данном произведении напрямую не выражена социально-политической ситуации в Китае накануне Движения «Четвертого мая» 1919 г., однако писатель демонстрирует революционные волнения в обществе как с точки зрения стиля повествования, так и с точки зрения литературного искусства.

Вступительное слово Лу Синя как образованного интеллектуала написано на вэньяне, а дневниковые записи «безумца»-революционера – на просторечном языке. В данном докладе анализируются два аспекта рассказа «Записки сумасшедшего» Лу Синя:

1) техника повествования, включая использование категорий времени и пространства в произведении;

2) образ безумца, потоком сознания которого в письменном виде выразительно обнажаются традиционные идеологические и культурные тысячелетние нормы и правила китайской цивилизации, в том числе феодальные ритуалы и их влияние на семейный уклад.

Повествование в рассказе ведется от имени двух героев: это два абсолютно разных типажа, два «я», безукоризненно представленных автором; тексты рассказчиков не смешиваются ни по способу изложения, ни по лексическому наполнению. На первый взгляд невозможно определить, кто из них является главным героем. Рассказ начинается с небольшого предисловия, служащего экспозицией произведения. Читатель узнает, что первый герой учился в средней школе вместе со вторым героем и его братом, что они были друзья, которые, однако, уже много лет жили далеко один от другого и не поддерживали никаких отношений. Брат второго героя передал старому другу две тетради с дневниковыми записями своего младшего брата. Как следует из пролога, автором этих записей является не кто иной как сам «безумец».

Наличие двух повествователей создает диссонанс между прологом и дневником, проявляющийся в эмоциональном плане, использовании разных стилистических и лексических средств, доминировании контрастных ценностных ориентиров. В тексте небольшого рассказа сосуществуют два психологических уровня, две системы мировосприятия, которые настолько различны, что являются диаметрально противоположными.

На уровне повествования у каждого из рассказчиков свое мироощущение. Короткий пролог из двухсот сорока слов представляет собой относительно четкую линейную хронологическую последовательность, в нем повествователь рассказывает о поездке на родину, приводит слова третьего лица о жизни безумца начиная с его заболевания до его выздоровления, говорит о последующем впечатлении от прочтения дневника.

В отличие от неразрывного линейного времени, представленного в прологе, дневник сумасшедшего явно классифицируется как «отрезок времени»: «Повествование было весьма путаное, отсутствовала последовательность в изложении, встречалось множество бессвязных слов; не были проставлены ни месяц, ни число, и только по разнице в цвете туши, по почерку можно было заключить, что дневник написан не в один раз» [1, с. 53].

На уровне повествования рассказ «Записки сумасшедшего» Лу Синя отличается от традиционной китайской художественной литературы тем, что заложенные в нем пространственно-временные координаты (хроно-топ) абсолютно взаимосвязаны, то есть времени, указываемому в тексте, тождественно соответствует конкретное описание места происходящего. Пространство соединяет повествовательный мир рассказа с реальным историческим миром, придавая самому тексту некий скрытый символизм. Художественное время в рассказе не только объединяет небольшой пролог с дневником, оно так же посредством использования временного разрыва связывает современность с прошлым.

В свою очередь по сравнению с традиционным текстом классического китайского рассказа текст дневника в произведении отличается тем, что воплощенное в нем ощущение времени не имеет причинно-следственной непрерывности. Разница между неразрывным течением времени и непоследовательной протяженностью времени формирует первое фундаментальное отличие таких текстов.

В контексте анализа рассказа следует привести цитату исследователя Ван Фужэня: «Художественная литература – это искусство языка, а искусство языка – это искусство времени, и структурная функция языка конкретно конституируется в вертикальных комбинаторных отношениях» [2, с. 75].

В текстах, где существует несколько повествовательных перспектив и где эти перспективы значительно различаются, общие черты между различными планами повествования являются важной точкой опоры для достижения единства и целостности произведения. В «Записках сумасшедшего» время – это точка опоры, которая соединяет короткую цепочку последовательных действий в прологе с их опосредованным подтверждением или отрицанием в дневнике.

Одно направленное движение времени обладает абсолютной объективностью, при этом временная последовательность не зависит от субъективного сознания, она ни для кого не задерживается, не ускоряется и не представляет собой какой-то конкретный отрезок времени, намеренно выделенный автором, это движение вне сознания, а рассказчик выступает лишь как субъект опыта. Восприятие им объективной реальности как

предмета осмысления переживаемых на физическом уровне жизненных событий и ситуаций разворачивается в виде раскрытия сокровенного внутреннего мира. По мере постижения событий объективного времени автор-повествователь и автор-безумец обретают разное ощущение собственного времени в силу задач, поставленных перед ними автором рассказа, и выстраивают свои системы ценностей.

В противоречии мировоззрения повествователей заложен конфликт, сложившийся в современной Лу Синю системе ценностей китайского общества. В рассказе «Записки сумасшедшего» краткое предисловие написано в стиле традиционной тогдашней китайской литературы, а основной текст, изложенный в форме дневника, написан непринужденно, на просторечном языке, в стиле новой литературы. В дневнике, как и в прологе, повествование ведется от первого лица. Различие стилей изложения в литературном прологе и простонародном тексте дневника, объединенных в одном рассказе, – вторая особенность произведения.

Таким образом, авторский замысел, заложенный в этом рассказе, был направлен на пробуждение общественного сознания китайского народа. На материале одного текста писатель, используя реалистические картины и аллегорию, обнажил внутренний мир двух героев, у которых было общим то, что они учились в одной школе, но у которых сложилось различное восприятие текущего времени и различное отношение к происходящим событиям: первый – представитель традиционной культуры, а второй остро ощущает контрастные противоречия между старым миром и новым, между угнетателями и угнетенными.

На выбор формы рассказа и формирование его идейного содержания, как признавался сам писатель, оказали влияние произведения иностранной литературы (японской, русской, западноевропейской, американской) и наличие медицинских знаний. Лу Синь не раз говорил о связи своего рассказа с одноименной повестью Н. В. Гоголя [2, с. 70]. Безумец – вымышленный персонаж, которому реально присущи черты психически больного. В рассказе безумец публично задает неудобные вопросы, говорит на не принятые в обществе темы и действует так, как не принято. В результате окружающие, не пытаясь понять, подвергают персонажа остракизму.

Созданный Лу Синем образ такого «ненормального» позволил писателю озвучить его голосом собственные размышления о китайском обществе. «Сумасшедший» Лу Синя оказался в высшей степени идеологичен. К примеру, «безумие» героя в основном проявляется в его мировоззрении, основанном на духовности. Анализируя постепенное развитие мыслей безумца, следует отметить, что его взгляды постоянно меняются, сначала

под влиянием долгих периодов подавления, а затем через собственные рефлексии, наконец он постигает природу человеческого общества и понимает, что «людоедские» нравы феодального строя формировались «на протяжении четырех тысяч лет» [1, с. 63].

В ходе наблюдения за поведением людей и размышлений о жизни мысли безумца постепенно проясняются, и чем яснее становятся его мысли, тем более безумным кажется его поведение, тем больше он подвергается остракизму со стороны внешнего окружения. Когда противоречие между безумием и остракизмом достигло определенной точки, «больной» начал отрицать даже самого себя. С приходом осознания, что и он, возможно, по неведению «съел несколько кусочков мяса своей сестренки» [1, с. 63], безумцем овладевают отчаяние и страх. Не видя выхода из сложившейся ситуации, ощущая себя участником многовековых феодальных традиций, герой вынужден идти на компромисс, «ассимилируюсь в “канибалистическом” мире» [3, с. 10].

В контексте Движения за новую культуру образу безумца были характерны черты бунтовщика, революционера, что соответствовало социальной атмосфере того времени. В рассказе автор дневниковых записей глубокомысленно заявляет: «Любое дело начинаешь понимать, лишь когда его всесторонне изучишь!» [1, с. 54], что указывает на рациональность его мышления. Факт появления этой фразы в первом абзаце третьей записи дневника свидетельствует, что размышления безумца не спонтанные, не односторонние и что он неспокоен, взволнован, озабочен: герой пытается критически взглянуть в свои мысли, использовать знания, ощущения, анализировать, сопоставлять, делать выводы. В состоянии глубокого беспокойства, сопровождаемого беспорядочным течением мыслей, он находится и днем, и ночью.

Проследив духовное развитие безумца, станет очевидным, что герой начинает упорядочивать свои мысли посредством их письменного изложения, перед нами разворачиваются моменты просветления (пробуждения) и постепенного становления личности. Тридцатилетний мужчина вдруг впервые увидел, как «замечательно светит луна» [1, с. 53], начинается выход из мрака жизни, сопровождаемый страхом, отчаянием, поисками. У ведущего персонажа «Записок сумасшедшего» появляется достаточно времени для раздумий, где герой пытается разобраться в самом себе, в окружающих людях, в обществе в целом, заглянуть в глубины исторической памяти. Постепенно мысли «безумца» обретают реальные очертания. Пробудившись от многовекового сна, выбравшись из непроглядной тьмы, безумец, обращаясь к людям, глубокомысленно записал: «Знайте, что в будущем не потерпят людоедов...» [1, с. 62].

Тринадцатая (последняя) дневниковая запись состоит из двух кульминационных предложений: «Может, есть еще дети, не евшие людей? Спасите детей!» [1, с. 63]. В этих словах сосредоточено сильное желание автора рассказа создать новое общество, которое не будет являться старой феодальной культурой, перечеркнувшей «“гуманность”, “справедливость”, “мораль” и “добродетель”» [1, с. 55] – морально-этические понятия конфуцианства. Герой «вдруг увидел, что между строками она [книга по истории. – М. А.] вся испещрена одним словом – “людоедство”» [1, с. 55].

Написанный более ста лет назад великим китайским мастером рассказ является актуальным для всего мира и в наше время – время «двойных стандартов»: слышишь «гуманизм», понимай – «людоедство».

«Записки сумасшедшего» – это обличение феодализма, обвинительный текст, разоблачающий «каннибалистическую» природу застойных старых китайских традиций. Аллегорический образ героя-безумца, готового пожертвовать всем, даже своей жизнью, ради гуманистических идей, – это образ пробудившегося революционера-демократа.

По замыслу Лу Синя, безумец, в отличие от неграмотных деревенских жителей, работающих на помещиков, происходил из небедной интеллигентной семьи, имел хорошее образование, однако по своим взглядам чувствовал себя «лишним» среди представителей своего класса. Обладая ясным разумом и острой наблюдательностью, автор дневниковых записей нашел в себе смелость открыто бороться с феодальным безумием. Видя лицемерие, направленное на затуманивание разума простых людей, безумец разоблачал тактику, которая использовалась, чтобы одурачивать народ. Он понимал, что у угнетателей китайских народных масс «жестокость, как у льва, трусость, как у зайца, хитрость, как у лисицы» [1, с. 58].

Использование автором образа «сумасшедшего» – это способ раскрыть глаза на исторические условия того времени, обозначить необходимость освобождения от тысячелетнего феодального угнетения: безумец очень чувствителен, подозрителен и бесхитростно откровенен, ему кажется, что все люди от мала до велика хотят его съесть: «Но даже черви по сравнению с обезьянками не так низки, как людоеды по сравнению с нелюдоедами» [1, с. 60]. С помощью образа сумасшедшего автор объединяет исторический, социальный, семейный и реальный жизненный опыт в единое целое.

Таким образом, писатель, являясь сыном своего народа, в целях социального просвещения и национального воспитания читательских масс убедительно использовал для передачи своих гуманистических идей образ

безумца. Данное произведение заложило прочные основы нового культурного движения и послужило ориентиром развития современной китайской литературы.

Библиографические ссылки

1. *Лу Синь*. Дневник сумасшедшего // пер. с кит. С. Тихвинского ; редкол.: Г. Гоц [и др.]. М. : Худож. лит., 1989. С. 52–63.
2. *Ван Фужэнь*. Искусство повествования в романах Лу Синя // Серия исследований современной китайской литературы. 2000. № 4. С. 75–109.
3. *Чжан Есун*. Дневник сумасшедшего. Столетие // Журнал по современному китайскому языку. 2019. №2. С. 10–20.